

СВИФТ (Swift) Джонатан (1667—1745) — ирландско-английский писатель, общественный деятель и мыслитель, работавший преимущественно в жанре фантастической сатиры. В 1688 окончил Тринити-колледж Дублинского университета. Бакалавр (1688) этого колледжа, магистр искусств в Оксфорде (1692), доктор теологии (1702) в Тринити-колледж.

Принял духовный сан в 1695, с 1700 — викарий в деревне Ларакор в Ирландии. Декан (настоятель) собора св. Патрика в Дублине (с 1713).

Почетный гражданин Дублина (1729). В 1738 — в связи с тяжелой психической болезнью и утратой памяти над С. был учрежден постоянный надзор.

Основные сочинения: «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» (1726), «Сказка бочки, написанная для общего совершенствования человеческого рода» (1704), «Письма суконщика» (1724—1725), «Полное собрание изящных и остроумных разговоров» (1738), поэма «На смерть доктора Свифта» (1739), «Дневник для Стеллы» (в 1784 опубликован отдельной книгой) и др. В 1711 изданы «Избранные сочинения в прозе и стихах». В 1735—1738 было осуществлено издание первого собрания сочинений С. в шести томах.

Первое крупное произведение С. — «Сказка бочки...» (англ. оборот, обозначающий «молоть чепуху», «говорить вздор») — содержало сатирическое описание религиозной жизни Британии начала 18 в. Изображая католическую церковь в облике Петра, лютеранскую (англиканскую) в образе Мартина, кальвинизм (пуританство) — как Джека, С. высмеивал как формальную избыточность самовитых дискуссий между их представителями, так и историческую изменчивость их догматов (по С., Петр носит три шляпы — в качестве меты нестабильности этих догматов). По мнению С. (в известной степени предвосхитившего идею «трансгрессии» и анализы безумия, осуществленные Фуко, присущие лишь второй половине 20 ст.), истинных репрезентантов человеческого рода надо искать не во дворцах, а среди обитателей Бедлама /дом для умалишенных в Лондоне — А.Г./, ибо именно там, по его убеждению, содержится основная масса индивидов, достойных ответственных государственных должностей. «Путешествия Гулливера» явили собой панорамное изображение не только духовной жизни Европы конца 17 — первой половины 18 в., но и компендиум гениальных догадок и провоцирующе-перспективных характеристик англо-саксонской ментальности как таковой. В книге оказались совмещенными идеи республиканизма и авторитаризма, идеалы почтения к разуму и

агностицизма, а также сюжеты автобиографического плана (С. постоянно колебался в своих политических симпатиях и пристрастиях от власти к интеллигенции как ее антиподу и обратно.

Вызывая желаемые души умерших, герой С. отыскал

Брута, Сократа, Эпаминонда, Катона-младшего и единственного христианина — «сэра Томаса Мура» /Мора — А.Г./ как носителей любви к свободе, храбрости, патриотизму, разуму и иных — для того времени по сути — языческих добродетелей.) Отдавая должное накалу геополитических страстей того времени (попыткам Англии подчинить своему влиянию материковую Европу), С. не скрывает своего презрения к дворцовым интригам и атмосфере повальной слежки и доносительства, присущим всем авторитарным режимам: король Бробдингнега у С. говорит о «туземцах» (англичанах), что это — «выводок маленьких отвратительных пресмыкающихся, самых пагубных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности»; Уровень общности критически-сатирических обобщений, присущих творчеству С., возрастает сопряженно с эволюцией характера центрального персонажа произведения — Гулливера. Если в первой части доминирующей ипостасью Гулливера выступает отвага, самоуверенность, практицизм, типичные для облика путешественника в 18 в., то в рамках второй и третьей частей к ним крещендо добавляются некоторые элементы идиотической глупости: хвастовство — рассуждения о «нашем наибогородном отечестве», рассказы о короле — «владыке искусств и оружия, биче Франции». Пафосом четвертой части романа выступает уже всеобъемлющее (а не фрагментарное) отвращение к роду людскому, сопровождаемое преклонением перед добродетельностью и благородством гуинггнмов (разумных лошадей, не знающих металлов, лодок, колеса, земледелия, алфавита). С. при своем антисциентизме выступал сторонником цивилизации, но акцентированно статичной, отмечая всевозрастающую деградацию людей (ср. с догадкой

Руссо о многомерности социального прогресса и принципиальной разновекторности существенных его составляющих). Многие пассажи творчества С. выглядят не только уникальными для общественной практики и горизонтов познания 18 в., но и прямыми предшественниками жанра антиутопии 20 ст. С. описывает кишасщее шпионами «полицейское государство», осуществляющее охоты за еретиками и суды над «изменниками родины», — государство, стремящееся канализировать народное недовольство в военную истерию.

По С., в Лангдене («Лангден» — анаграмма Англии) «...большая часть населения состоит сплошь из разведчиков, свидетелей, доносчиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных, вместе с их многочисленными подручными и помощниками, находящимися на жалованье у министров и депутатов... Прежде всего они соглашаются и определяют промеж себя, кого из заподозренных лиц обвинить в

составлении заговора; затем прилагаются все старания, чтобы захватить письма и бумаги таких лиц, а их авторов заковать в кандалы. Захваченные письма и бумаги передаются в руки специальных знатоков, больших искусников по части нахождения таинственного значения слов, слогов и букв... Если этот метод оказывается недостаточным, они руководствуются двумя другими, более действенными, известными между учеными под именем акростихов и анаграмм.

Один из этих методов позволяет им расшифровать все инициалы согласно их политическому смыслу. Так, N будет означать заговор, В — кавалерийский полк, L — флот на море. Пользуясь вторым методом, заключающимся в перестановке букв подозрительного письма, можно прочесть самые затаенные мысли и узнать самые сокровенные намерения недовольной партии. Например, если я в письме к другу говорю: «Наш брат Том нажил геморрой», — искусный дешифровальщик из этих самых букв прочесть фразу, что заговор открыт, надо сопротивляться и т.д. Это и есть анаграмматический метод». Правители государств такого типа желали бы, по С., «устранять различия в мыслях, производя обмен мозгами посредством отпиливания части затылка...» Особый интерес представляет обоснование С. собственного акцентированного антидемократизма, гуигнгны у С. организуют жизнь по кастовой системе: так «генеральная ассамблея» гуигнгнов имеет право всего лишь «уведещать» хозяина

Гулливера дать согласие на его изгнание. С. отчетливо понимал и наглядно продемонстрировал тоталитарный потенциал анархизма. Согласно С., когда нет законов и — соответственно — принуждения, то общественное мнение выступает единственным арбитром поведения отдельной личности.

Ввиду же «огромной тяги стадных животных к единообразию» это общественное мнение еще менее терпимо нежели любая система, основанная на законах. (Хотя инакомыслие для С. не более чем свидетельство извращенности ума: «для них /гуигнгнов — А.Г./ разум не является, как для нас, инстанцией проблематической, снабжающей одинаково правдоподобными доводами за и против; напротив, он действует на мысль с непосредственной убедительностью, как это и должно быть, когда он не осложнен, не затемнен и не обесцвечен страстью и интересом») — Ср.: Оруэлл, Новояз. Тем не менее, еще более универсальным и над временным оказался «культурологический» критицизм С., испытавший еще более счастливую судьбу, нежели свифтовское социальное обличительство. С. неоднократно подчеркивал, что «никогда не мог найти ничего общего между математикой и политикой», вопреки традиционной в его время точке зрения, со гласно которой теология «столь же точна», как математика или химия и посему священник или политик способны выражаться и выражаются бесспорно.

Характеризуя доминирующие тенденции в науке 17—18 вв., С. писал о бробдингнегах:

«Знания этого народа очень недостаточны: они ограничиваются моралью, историей, поэзией и математикой, но в этих областях, нужно отдать справедливость, им достигнуто большое совершенство.

Что касается математики, то она имеет здесь чисто прикладной характер и направлена на улучшение земледелия и всякого рода механизмов, так что у нас она получила бы невысокую оценку. А относительно идей, сущностей, абстракций и трансценденталий мне так и не удалось внедрить в их головы ни малейшего представления». При этом отчетливо видна (иногда принципиально не объяснимая) готовность С. оказаться «по ту сторону» как опытно-экспериментальной науки, так и спекулятивного теоретизирования ввиду принципиальной ограниченности, по его мнению, обеих. (Ср. у С: размышляя о миниатюрности Гулливера, светила науки Бробдингега, по свидетельству последнего, «после долгих дебатов... пришли к единодушному заключению, что я не что иное, как рельпюм сколькатс, что в буквальном переводе означает *Lusus Naturae* (игра природы), — определение как раз в духе современной европейской философии, профессора которой, относясь с презрением к ссылке на скрытые причины, при помощи которых последователи Аристотеля тщетно стараются замаскировать свое невежество, изобрели это удивительное разрешение всех трудностей, свидетельствующее о необыкновенном прогрессе человеческого знания») Предельно жесткая и беспощадная ирония С. в одном из своих фрагментов обернулась для него иронией истории (ср. «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» у Ф.И.Тютчева). Философы летающего острова Лапуты, постоянно углубленные в себя и свои мысли настолько, что, по С., дабы они откликнулись на обращение, им «стучали по уху надутым пузырем», — «каталогизировали 10 000 неподвижных звезд, определили периоды движения 93 комет, и, опередив Европу, открыли, что у Марса — две луны...». По С., это звучало смехотворно, спутники же Марса — Фобос и Деймос — были действительно открыты в 1877. Правомерно предположить, что в исторической ретроспективе опережающим проявлением одной из исторически первых форм иммунной защиты человеческого духа от активизма и агрессивности техногенной цивилизации западно-европейского типа, а также высоко эвристичным сомнением в неограниченном линейно-поступательном потенциале классического рационализма выступили именно произведения С.

А.А. Грицанов